

Современная остросюжетная проза

Ян ВАЛЕТОВ

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ
ПРИЦЕЛЬНАЯ
ДАЛЬНОСТЬ

Романы

Харьков
«Фолио»
2019

Смерть стоит того, чтобы жить. Любовь стоит того, чтобы ждать.

Виктор Цой

Жемчуг живет жизнью своего владельца, он блестит, когда хозяин здоров, и тускнеет, когда тот умирает. Вот почему жемчуг называют иногда «слезами тоски».

И все же несмотря на все свои многочисленные достоинства, жемчуг так же, как и опал, в народе считается несчастливым камнем. Он якобы приносит владельцу утрату иллюзий и надежд.

Вообще жемчуг очень коварная драгоценность: в нем, как считают знающие люди, заключается негативная сила Луны. Поэтому относиться к нему надо бережно, иначе он начнет приносить несчастье. Но, как говорили на Руси: если человек в ладу со своей совестью, то и жемчуг поможет ему стать непобедимым...

Из статьи «О жемчуге»

Дизель завелся сразу, затарахтел, и бывший водолазный бот, а ныне прогулочный катер «Тайна» задрожал всем корпусом, раскачиваясь на пологой гладкой волне. Вода у низкой кормы забурлила, дурно пахло выхлопом, но серый вонючий дымок сразу отнесло дующим со стороны моря ветерком.

— Кузя, кончай лизаться! — крикнул Губатый, закрывая крышку моторного отсека, в котором лязгал старым железом дизель. — Якорь поднимай!

Олег послушался, оторвался от Ленки, соскочил с застеленного полотенцами и выгоревшим брезентом люка и бросился вращать

кабестан. Якорная цепь загремела, наматываясь на барабан, звонко защелкал стопор.

Губатый зашел в разогретую августовским солнцем рубку, ухватил загрубевшими от соли ладонями отполированные временем и сотнями тысяч прикосновений рукояти штурвала и, подняв голову, уткнулся взглядом прямо в Ленкину промежность.

Изотова лежала перед ним на цветастом полотенце, опершись на локти, и насмешливо поглядывала на Губатого, который глаз не мог отвести от ее алого, как кровь, купальника, туго облепившего выпуклый лобок. Ткань купальника была тонкой, настолько тонкой, что казалась прозрачной. Он мог, не напрягая воображения, угадать под ней очертания срамных губ. Там, где купальник, превращаясь «ни во что», исчезал между ягодицами, были видны отдельные, еле заметные завитки волос.

Губатый шумно слотнул.

Горло пересохло, чуть ли не до желудка, и загустевшая слюна, шурша, скатилась по пищеводу.

Ленка, прекрасно понимая, какой эффект на него оказывают ее бесстыдно расставленные длинные ноги, склонила голову к плечу и медленно, очень м-е-д-л-е-н-н-о перевернулась на живот.

Губатый был далеко не мальчик, и, несмотря на малый рост и далеко не богатырское сложение, барышень за свою мужскую жизнь поимел вагон и маленькую тележку, но в те секунды, что Изотова меняла позу, едва не кончил в широкие полотняные шорты, одетые на голое тело. Все, что в организме тридцатилетнего мужчины могло стать дыбом, — стояло дыбом. Губатый закусил губу, чтобы не застонать от боли в паху, — впечатление было такое, что между ног пульсирует от бешеного тока крови второе сердце.

Ленка выпятила в его сторону зад, делая вид, что разглаживает смявшееся полотенце, качнула бедрами, от чего Губатый со свистом втянул воздух, и опустила грудью на подстилку, для верности стрельнув глазами из-под руки.

Ей нравилось дразнить Губатого.

Губатый зверел, когда она его дразнила.

Якорная цепь громыхнула и замерла в клюзе. Бормотание дизеля не могло заглушить крики висящих в воздухе чаек и шорох волн, набегающих на прибрежные камни.

— Готово! — крикнул Олег, как будто бы Губатый сам не слышал, что якорь выбран до упора. — Давай, Леха!

Вообще-то Губатого, капитана и владельца «Тайны», звали Леша Пименов, и оба его пассажира — и Ленка Изотова, и Олег Ельцов — были знакомы ему с детства. Ленка училась в параллельном классе, а с Олегом они даже сживали за одной партой, правда, особыми друзьями никогда не были.

Как раз из-за Изотовой.

Ленка и тогда была на загляденье — стройная, длинноногая, темноглазая, с рыжими короткими волосами, подстриженными карэ и слабоватая «на передок»: то ли по природной склонности, то ли просто рано созрела под жарким южным солнцем. По причине склонности к простым плотским утехам — а много ли надо прыщавым юношам для полного счастья? — Изотова вполне справедливо считалась первой красавицей и пользовалась нездоровой популярностью среди старшеклассников и курсантов Морской школы.

Пименов же в те годы считался завидным женихом.

Папа — коммерческий директор торгового порта, мама — хозяйка аж трех частных магазинов — о такой партии городские невесты только мечтали. И пусть в Лешке не было и ста семидесяти роста, пусть его круглая, как мяч, голова была покрыта редкими волосенками непонятного цвета, а губы (за которые он и получил свою кличку) более пристали Бобби Фаррелу, чем потомку кубанских переселенцев, но...

Но зато у него была своя собственная, почти новенькая «тойота», в бумажнике всегда водились деньжата, а на семейной двухэтажной даче в Абрау-Дюрсо, стоящей у самого озера, можно было «классно оттянуться».

Вот однажды они с Ленкой и оттянулись по полной программе. Потом еще раз. И еще. По молодости лет Губатому было глубоко параллельно, с кем Изотова крутит еще — с ней было здорово, по-настоящему здорово.

Секс для нее существовал сам по себе, без любви, романтических свиданий и серенад. Здоровое совокупление молодых тел — и не более того. Будучи от природы человеком неглупым, Лешка понимал, что молодых тел вокруг, хоть пруд пруди, да и еще более привлекательных, чем у него. Ленкино, загоревшее до полной шоколадности тело ждало ощущений, а не замужества и деторождения. А со щупловатым Пименовым она спала потому, что половина девчонок из их компании была готова забеременеть от него прямо завтра, чтобы послезавтра войти в дом его родителей в качестве невестки.

Ельцов же был в Ленку влюблен. Впрочем, он был парнем романтического склада, а Изотовой серенады под окном были нужны, как зайцу зонтик. Она проходила мимо стоящего у ее подъезда Олега в сопровождении очередного ухажера, словно Ельцов был не человеком, а частью ландшафта. Когда мимо него вот так же, с Ленкой под ручку, прошел Пименов, Олег пересел на соседнюю парту и старался без особых причин с Губатым не разговаривать.

Потом школа закончилась.

Изотова уехала в Питер, подался в Москву Олег, а Пименов остался в Новороссийске, так и не решившись никуда отправиться. Он крутил любовь с нетрезвыми курортницами, пил с каждым днем все сильнее и сильнее и испытывал судьбу, разъезжая невменяемым за рулем своей «тойоты».

Иногда он жалел, что Ленка уехала, может быть, потому, что, просыпаясь в постели с очередной подружкой, надеялся найти рядом ее.

В следующем году, во время войны за торговый порт, его удачливый отец был найден в одном из карьеров Цементной долины со следами от раскаленных утюгов на животе и ягодицах, и семья так и не узнала, сохранил ли ее глава тайну швейцарских номерных счетов. Коммерческий директор порта был человек аккуратный и педантичный, никаких документов ни дома, ни на работе не держал, и пуля, пробившая ему затылок, обрезала все концы.

Еще через два года мать продала магазины и дачу, вышла замуж за заезжего голландца и, оставив сыну часть денег в виде наследства, навсегда уехала в далекий Амстердам.

Той же осенью, в возрасте двадцати одного года, Леха Пименов пришел в себя в больнице «Скорой помощи» после тяжелой автомобильной аварии и обнаружил, что остался совершенно один, без профессии, денег, определенных занятий и мыслей о том, как жить дальше.

Три месяца в гипсе — достаточный срок, чтобы подумать о смысле жизни. Орган, ответственный за думанье, у Пименова отмер не окончательно. За окнами гудела и трясла крыши бора, свинцовые волны бежали наперегонки по Цемесской бухте. На подоконники ложилась серая цементная пыль, напоминающая Лехе запахом труп отца. Когда его нашли, он был больше похож на бетонного идола, чем на человеческое тело. Вспоминая об этом, Пименов, загипсованный с головы до ног, даже заплакал. Только плакал он больше от жалости к самому себе. За окном палаты скрипел обиженный ветром фонарь. По беленому потолку метались изломанные тени. Старая жизнь кончилась. Надо было все начинать заново.

Денег хватило, чтобы по старым отцовским связям выкупить в порту и отремонтировать древний водолазный бот, кое-как восстановить изуродованную «тойоту» и «смастерить» себе документы на судовождение.

До начала сезона Пименов «таксовал», возя пассажиров в Геленджик, Анапу и Краснодар, а когда пригрело солнце, начал предлагать морские прогулки и погружения с аквалангом понаехавшим в город курортникам. Расчет, как ни странно, оказался верным. Пузатая, как мультяшный буксирчик, «Тайна» пользовалась популярностью — клиенты находились почти ежедневно. Волны качали ботик, стучал компрессор, нагнетая сжатый воздух в исцарапанные баллоны, пахло сушеной ставридкой и водорослями.

Море лечило раны тела — Леха окреп, подкачал мышцы, раздался в плечах, что называется — заматерел. Даже шрамы — и те стали постепенно рассасываться, а вот раны души...

С этим было потяжелее.

Ночью, лежа без сна, в некогда шикарной, а теперь запущенной квартире родителей, он часто вспоминал упущенные шансы стать уважаемым и богатым. И Изотову, почему-то, тоже вспоминал. Даже